

На правах рукописи

Гришин Алексей Юльевич

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ФИЗИКИ, ЛОГИКИ И ЭТИКИ
В УЧЕНИИ РАННЕЙ СТОИ**

Специальность 09.00.03 – История философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Москва 2018

Работа выполнена в секторе истории западной философии Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии Российской академии наук

Научный руководитель:

Столяров Александр Арнольдович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора истории западной философии Института философии РАН

Официальные оппоненты:

Степанова Анна Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философской антропологии и истории философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Мельников Сергей Анатольевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ведущая организация: Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Защита состоится 26 февраля 2019 года в 15.00 на заседании Диссертационного совета Д.002.015.04 при Институте философии РАН по адресу: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, Зал заседаний ученого совета (ком. 313).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института философии РАН.

Автореферат разослан «___» декабря 2018 года.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д.002.015.04
кандидат философских наук

Н.П. Волкова

I. Общая характеристика работы

Обоснование темы исследования и его актуальность

Любая попытка целостного описания стоической философской системы, дошедшей до нас во фрагментарном состоянии и в значительной степени в искаженном доксографами виде, заведомо включает в себя элемент реконструкции. Такую реконструкцию представляется целесообразным проводить именно по линиям фактической зависимости между разделами учения, которая была продекларирована самими стоиками и подтверждается современными исследованиями. Успешность подобной реконструкции могла бы проявляться в разрешении на ее основе многочисленных противоречий и несостыковок, до сих пор усматриваемых в стоической философии. Такая структура работы вполне соответствует духу многочисленных современных исследований, выстраивающих основания этических понятий на стоических концепциях физических явлений и логических процессов. Однако в данном исследовании взаимосвязь разделов будет прослеживаться не спорадически, а системно.

Структурная взаимозависимость разделов учения представляет природу как онтологический источник всякой аксиологии, а логике отводит ожидаемое для нее место механизма соотнесения субъекта с этой открывающейся для него в новом ракурсе природой. Взаимодействие физики и логики, собственно, и порождает этику, что хорошо просматривается в учении о «первичной склонности» (οἰκείωσις) и о стоических категориях. Этическая сфера как таковая вырастает из физической, тем более что в этическом разделе рассматриваются также и вопросы, имеющие отношение прежде всего к физической, телесной стороне существования субъекта, такие как самосохранение, здоровье, питание, продолжение рода и т.д. Будучи изначально охарактеризованными как «первичные по природе» (τὰ πρῶτα κατὰ φύσιν), эти действия включаются в сферу этики, поскольку являются постоянным объектом разумного отбора стремящегося к добродетели человека. То, что в начале развития человеческого индивидуума было проявлением нормы его физического существования, становится этической нормой при правильной оценке субъектом значимости этого состояния в общей системе ценностей. Обозначенная в теме

настоящей работы последовательность разделов учения говорит о том, что физика при приложении к ней логики дает выход на этику, так что речь не идет о некоей линейной последовательности, которая часто бывает связана с пропедевтикой, но не с фактической взаимозависимостью частей. Фактическая же взаимосвязь разделов неизбежно должна приводить и неоднократно очевидным образом приводит к появлению параллельных терминологических рядов, описывающих одни и те же явления и процессы в терминах физики, логики и этики.

Стоическая Природа служит онтологическим источником любого становления, существования, изменения и развития, но при этом она имеет еще одну важную функцию, которая наиболее адекватно описывается уже вне пределов терминологии физического раздела, поскольку Природа несет в себе имманентную разумность, обозначаемую как всеобщий Логос. Имманентность разума природе придает ей исключительную аксиологическую прерогативу. Таким образом, уже на высшей онтологической ступени просматриваются предпосылки адекватности методологии стоиков и членения ими философии предлагаемой картине мира: в физических терминах описываются различные манифестации всеобщей природы, в рамках логики – сопутствующие и параллельные им дискурсивные процессы, а на этическом уровне – их сочетание, долженствующее привести всякое наделенное частицей мирового разума, но при этом автономное существо от состояния простого передаточного звена в сплетении причинно-следственных цепей к полному отождествлению себя с целеполаганием этого самого мирового разума. Если все низшие организмы, то есть животные и растения, в лучшем для них случае выполняют отведенную им роль части мира, достигая своих частных целей, то человек может отразить в своем микрокосме всю полноту бытия, постигнув цели мирового разума (что достигается логическими средствами) и слившись с его волей (чему, собственно, и учит этика).

Человек способен распознавать в вещах и явлениях имманентный им Логос, ретранслировать присущий им изначально разумный посыл и истолковывать его значение, в том числе усматривать знаки, как это происходит в случае с астрологией.

Актуальность данной диссертационной работы, нацеленной на установление когерентности и взаимосвязи частей стоического учения, связана прежде всего с продолжающимися фигурировать в современных исследованиях утверждениями о невозможности непротиворечивого изложения стоической системы в таких ее узловых пунктах, как единство понятия «природы», естественные движения элементов, «надлежащее» и «надлежащее по обстоятельствам», соотношение материального содержания действий профана и мудреца и, наконец, социальная адаптация мудреца, продолжающая оставаться под сомнением в результате сближений стоической философии с кинизмом. Обозначенные выше вопросы с древних времен представляются как противоречия, однако, как подтвердилось в процессе исследования, могут быть решены посредством вскрытия взаимосвязи разделов учения. Таким образом, актуальность исследования проистекает из неприемлемости текущего состояния изученности стоической философии, в рамках которого множество противоречий усматривается в системе, претендующей на когерентность, в целом не подвергаемую сомнению со стороны исследователей. Очевидно, что если предлагаемый метод способен снять указанные противоречия, он должен быть применен.

Степень разработанности проблемы на данном этапе определяется несколькими исследованиями, специально посвященными вопросу единства стоической философии и соотношению ее разделов, а также гораздо более многочисленными монографиями общего характера или статьями, посвященными частным вопросам. К числу первых можно отнести прежде всего работы Джулии Аннас, Катерины Иеродиакону, Джонни Христенсена и Максимилиана Форшнера. Монографии, в которых данный вопрос так или иначе рассматривается, принадлежат Артуру А. Лонгу, Джону М. Ристу, Людвигу Эдельштейну, Фрэнсису Зандбаху, Бреду Инвуду, Теду Бреннану, Троэлсу Энгбергу-Педерсену, а среди российских авторов – А.А. Столярову и А.С. Степановой. Ну и, наконец, частные проблемные вопросы стоической философии рассматриваются с позиций презумпции единства стоического учения в работах Иэна Дж. Кидда, Гизелы Штрикер, Дамиана Тсекуракиса, Симона Дж. Пемброка, Андреаса Грезера,

Герхарда Небеля, Филиппа де Лейси, Отто Рита, Самуэля Самбурского, а также А.А. Гусейнова и П.А. Гаджикурбановой.

Глубина разработанности проблемы в критической литературе достаточно сильно варьируется в зависимости от подхода каждого отдельного автора к вопросу о конфигурации структурного взаимодействия частей. Уже Поленц констатировал несимметричное соотношение разделов стоической философии. Но существуют и другие оценки, прежде всего Джулии Аннас и Катерины Иеродиакону, согласно которым разделы стоического учения являются равновеликими, соразмерными и находящимися в симметричных отношениях друг с другом. Приходится констатировать, что авторы, призывающие избегать анализа содержания одного из разделов на основании материала другого, проигрывают в отношении плодотворности исследования.

Большая часть исследователей усматривает в частях стоического учения однонаправленную зависимость. Из них, в свою очередь, большинство уделяет основное внимание физике как источнику этики (условно их можно обозначить последовательностью «физика – логика – этика»), но есть и такие, которые считают именно логику основным механизмом формирования этики («логика – физика – этика»). Соответственно, одни выводят основания для своих моделей реконструкции этического раздела именно из учения о природе, в то время как другие делают акцент на концепции психологии действия, зачастую приходя к сходным результатам в решении наиболее актуальных этических проблем. К первой группе, гораздо более многочисленной, следует отнести прежде всего Лонга, Эдельштейна, Штрикер, Кидда и Риста.

Лагерю же «рационалистов», выводящих этику из ментальных процессов, принадлежат Энгберг-Педерсен, Тед Бреннан, а также Джулия Аннас, несмотря на декларируемую ею независимость и равнозначность разделов стоического учения.

Исследования, в равной мере полагающие основания этики как в природе, так и в процессах ментальной артикуляции, возводящих субъекта от направленных на самосохранение элементарных действий к рефлексии, самопознанию,

переоценке ценностей и окончательному слиянию с волей мирового разума, представлены прежде всего трудами Бреда Инвуда и Максимилиана Форшнера.

Нельзя оставить без комментария тот факт, что как название, так и интенция монографии Форшнера «Die stoische Ethik: Über den Zusammenhang von Natur-, Sprach- und Moralphilosophie im altstoischen System» во многом совпадают с заявленными в настоящем исследовании намерениями. В данном диссертационном исследовании – равным образом как и в книге Форшнера – подвергнуты анализу такие природные основания этики, как соотношение всеобщей и частной природы, концепции пневмы и первичной склонности, а также применимость стоических категорий к описанию событий в мире и человеческих поступков, стимулирующие физические явления нематериальные бестелесные ментальные процессы и стоическое учение о причинности. Отличие же данного исследования от монографии Форшнера состоит, как представляется, в том, что в поиск закономерностей общности разделов заложена структурная основа в виде выделенных и сформулированных сквозных законов, проявляющих себя на всех уровнях учения. Данная работа отличается также более последовательным и широким экстраполированием на этический раздел закономерностей, обнаруженных в двух других частях учения, и, как следствие, в формулировании более общих выводов.

Нельзя не упомянуть здесь еще одного исследователя, основной труд которого оказался весьма созвучным настоящей диссертационной работе своими исходными установками. Джонни Христенсен в своей работе «An Essay on the Unity of Stoic Philosophy» совершенно справедливо, с нашей точки зрения, полагает, что всякая реконструкция может быть признана удовлетворительной только при том условии, что в нее могут быть интегрированы известные нам от доксографов детали, составлявшие некогда часть единого учения. Диссертанту весьма импонирует стремление Христенсена преподносить вопросы физического и логического разделов (опять же, как и в случае Форшнера, именно в таком порядке) как предпосылку для реконструкции этических построений Стои. Христенсен последовательно анализирует стоические начала (ἀρχαί), понятия

пространства и времени, стоический континуум и возможность движения, учение о смещении и качествах, исследует пропозициональную логику стоиков, роль категорий в логическом разделе учения, теорию познания, ищет основания этики в физике, точнее в животных инстинктах, рассматривает основания человеческих поступков. Однако он не прилагает свой метод к таким явно проблемным областям стоической философии как единство понятия природы, естественные движения элементов и непротиворечивая картина физического мира у стоиков, соотношение материального содержания поступков профана и мудреца и социальная интеграция последнего вопреки его широко декларируемой склонности к кинизму. Датский исследователь использует различные топы стоического учения для демонстрации когерентности стоического учения, не углубляясь в проблемные области, и не делает следующего шага, который мог бы состоять в решении частных противоречий с позиций уже доказанной когерентности разделов философской системы стоиков.

В целом, такой подход достаточно характерен для современного состояния критической литературы, не рассматривающей соотношение разделов системно. Среди исследований последних десятилетий не обнаружено попыток выявить самые общие закономерности, которые являлись бы сквозными для всех частей стоического учения, и уже на этом основании перейти к рассмотрению частных проблем. Наиболее близко к вскрытию отношений между разделами стоического учения подошли Аннас, Иеродиакону, Форшнер и Христенсен, однако подход двух первых ограничивает поле применимости достигнутых ими результатов для изучения стоицизма во всей разработанной им глубине, а двум последним можно было бы пожелать более последовательного и полного применения своих исходных установок в процессе исследования.

Методологическая база исследования, соответственно, должна опираться на некие общие закономерности стоического учения, которые проявляют себя во всех разделах стоического учения. Такие сквозные законы могут быть выделены индуктивным методом на основе всего дошедшего до нас корпуса стоической философии, очищенного от полемического контекста, а затем применены к

проблемным областям стоического учения с тем, чтобы далее вывести дедуктивным методом положения, позволяющие снять противоречия, для большинства из которых в критической литературе не предлагается удовлетворительного решения. Особое внимание уделяется тем стоическим концепциям, в которых в наибольшей мере проявляют себя сквозные законы и которые по этой причине демонстрируют универсальную применимость ко всем разделам учения. Речь прежде всего идет о категориях, о причинности и о концепции препятствий. Установление параллельных терминологических рядов и общности внутренней логики их устройства позволяет использовать в стоических исследованиях метод восполнения недостаточно четко описанных – в силу фрагментарности дошедшего до нас материала – терминов и положений за счет привлечения гомологичного материала из других разделов учения. Наложение материала одного раздела на другой может дать результаты, способствующие реконструкции стоического учения, причем реконструкция, достигнутая таким образом, изначально предполагает непротиворечивость, поскольку полученные в результате положения должны быть применимы сразу к нескольким разделам.

В стоическом учении удалось установить действие следующих сквозных законов:

- ***Устройство отдельного тела отражает в себе устройство мира.***

Такое уподобление частей целому основано на единой разумно-природной основе для всего существующего. Одним из важнейших следствий этого закона служит подчиненность части целому. Отдельный элемент или организм не всегда может осуществить присущее ему движение или достичь своей частной цели, однако сама тенденция или приложенные с его стороны усилия важнее, чем достижение его частной цели, поскольку тенденции реализации предустановленных для каждого тела движений нацелены прежде всего на обеспечение целостности мироздания. Таким образом, отдельные вещи выступают как проводники причинности, пронизывающей весь мир.

- ***Когерентность физического мира и его осмысления*** предполагает, что каждое физическое явление сопровождается соответствующим ментальным

процессом. В космических событиях заключена определенная логика, которую человек, обладая частицей мирового разума, может распознать и выразить в артикулированной и осмысленной форме. Именно таким образом функционируют стоические категории, последовательность которых изоморфна процессу становления мира из бескачественной материи, и именно поэтому психология действия описывает поступки человека в виде параллельных терминологических рядов, одни из которых принадлежат физическому, а другие – логическому разделу.

- ***В стоическом мире и сознании отмечается нарастание определенности,*** проявляющее себя в однонаправленности онтологических и мыслительных процессов, в том числе в области практической этики, от неопределенного к определенному, от абстрактного, изолированного и условно-существующего к конкретному и наличному бытию. В физике это проявляется в выделении первичных элементов из бескачественной материи под воздействием активного разума, за чем следует переход к субстанциональным качествам вещей, складывающимся из пропорции элементов, и, наконец, возникновение привходящих качеств-состояний, проявляемых во взаимоотношениях с внешними объектами и обусловленных ими. В системе категорий это соответствует нисхождению от наиболее общей и неопределенной категории $\tau\iota$ до наиболее конкретной $\pi\rho\acute{o}\varsigma\ \tau\acute{\iota}\ \pi\omega\varsigma\ \epsilon\acute{\chi}\theta\omicron\nu$, описывающей предмет во всей совокупности его взаимоотношений. В этике это проявляется на первом этапе как постулирование бинарных оппозиций (здоровье – болезнь, бедность – богатство и т. д.), а на следующем уровне как усложненный внешними обстоятельствами выбор не между членами одной из этих бинарных оппозиций, а между членами различных пар (в том числе ситуация «надлежащего по обстоятельствам»).

- ***В стоическом мире не предусмотрено полное достижение состояния нормы, предустановленной для всех его частей по отдельности.*** Какой-либо организм может и не достичь состояния нормы по независящим от него причинам. Однако при повышении уровня организации – как по природной шкале (*scala naturae*), так и по мере развития разумного организма – возможности

достижения состояния нормы повышаются и это расширение возможностей воспринимается как свобода.

- ***Жесткому детерминизму в пределах одного причинного ряда сопутствует дополнительный эффект, возникающий на стыке причинных рядов.*** Жесткая материальная, а вернее телесная, причинность находит выражение в виде столь же строгой импликации, но эта жесткость бесспорна только в ситуации, изолированной от стороннего воздействия других возможных причин. Такой синергетический эффект, во-первых, сообщает системе в целом способность развития и усложнения, а во-вторых, создает предпосылки для усмотрения возможности свободы как непредсказуемого исхода событий в силу большого числа вызывающих его факторов.

Цель исследования состоит, таким образом, в демонстрации действия установленных сквозных законов в различных частях стоического учения. В то же время эта цель не является самодостаточной, поскольку процесс исследования предполагает решение ряда частных **задач**, которые могут быть представлены как снятие традиционно усматриваемых в стоическом учении противоречий посредством установления системных взаимосвязей между звеньями различных терминологических рядов.

Таким образом, состоятельность избранной методики наилучшим образом могла бы найти подтверждение в решении следующих задач, связанных с наиболее спорными вопросами стоической философии:

- Необходимость установления единства понятия «природы», несмотря на очевидные расхождения его значений в различных технических терминах, прежде всего в определениях «естественных вещей» и блага.

- Снятие противоречий, усматриваемых с древности по наше время в стоической концепции движений, присущих легким элементам, которым приписываются одновременно как центростремительные, так и центробежные тенденции.

- Установление соотношения между физическими и логическими процессами в рамках освоения (οἰκείωσις) человека в мире.

- Вскрытие уровней понятия «надлежащего» в свете стоических категорий и с учетом как частной природы человека, так и замысла всеобщей природы.

- Интеграция термина «надлежащее по обстоятельствам» в систему стоической этики.

- Определение соотношения материального содержания действий профана и мудреца.

- Сведение к минимуму кинических мотивов в поведении и мотивации стоического мудреца.

Объект, предмет и материал исследования, в силу нынешнего фрагментарного состояния стоической философии, значительно расходятся, в том числе по своим хронологическим рамкам.

Объектом исследования служит весь дошедший до нас корпус стоической философии, в том виде, в каком он был заложен Зеноном и расширен, дополнен и уточнен Хрисиппом.

При этом не следует упускать из виду, что исследование выполняется **на материале**, представляющем стоическое учение через призму восприятия многочисленных доксографов, выдержки из произведений которых вошли в фундаментальные собрания фон Арнима *Stoicorum Veterum Fragmenta* и А. Лонга и Д. Седли *Hellenistic Philosophers*.

Предмет исследования представляет собой взаимосвязь разделов стоического учения, которая, согласно рабочей гипотезе автора, является системообразующим фактором стоической философии.

Хронологические рамки исследования осложняются несовпадением его объекта и материала; если в первом случае они легко определимы и соответствуют периоду развития стоической школы от Зенона до Хрисиппа, то во втором, принимая во внимание опосредованность доксографической традиции, приходится расширить временные рамки до Средних веков, к которым относятся, в частности, Словарь Суда (X в.) и тексты Максима Исповедника (VII в.).

Научная новизна исследования связана, во-первых, с тем, что общность частей стоического учения определяется системно, то есть в результате выявления общих закономерностей, а во-вторых, с тем, что впервые попытка установить целостность учения предпринимается не в качестве самоцели, но для решения практических задач реконструкции спорных моментов стоической философии. Кроме того, в процессе написания работы впервые не только в отечественной, но и в мировой науке были эффективно проведены следующие исследования:

- движения элементов были рассмотрены с учётом системы категорий, закона причинности и учения о препятствиях, что впервые дало непротиворечивую картину физического мира стоиков в отношении взаимодействия элементов;
- по аналогии с движениями физических тел были рассмотрены движения разумных существ с поправкой на теорию о градации движений, осмысленной как степени расширения свободы;
- понятие нормы рассмотрено как с позиций части, так и во всеобщем аспекте, а для человека – как в индивидуальном, так и в социальном контексте.

Теоретическая значимость исследования состоит главным образом в выявлении общих для стоической философии закономерностей, которые проявляют себя в различных частях и разделах учения. Таким образом, полученные результаты универсальны во многих отношениях и могут быть применены к исследованию других областей стоического учения.

Практические результаты исследования состоят прежде всего в получении целостной картины стоического космоса, в котором каждый элемент демонстрирует свои качества во взаимодействии с остальными. Полученный результат оказался гораздо ближе к научной картине мира Нового и Новейшего времени, чем можно было предположить, что вполне может заинтересовать специалистов по истории науки.

В практическом плане важной представляется также социальная реабилитация стоического мудреца, имеющая значение для не только для истории философии, но и для истории литературы, культуры и религии.

Положения, выносимые на защиту, представляют собой решения, предлагаемые для снятия наиболее острых противоречий стоического учения, усматриваемых в устройстве физического мира, в поведении человека, действующего в условиях осложненного различными обстоятельствами выбора, в соотношении материального содержания поступков профана и мудреца, в склонности стоического мудреца к кинизму вопреки декларируемой стоиками высокой степени его вовлеченности в социальные институты и в совместимости свободы личного выбора и сплошного детерминизма.

На защиту выносятся следующие положения:

- «Природа» в технических терминах должна быть специфицирована как «всеобщая», «частная» или «специальная». Выделение одного из аспектов многогранного понятия «природы» проясняет значение таких терминов как τὰ κατὰ φύσιν («естественные вещи»), κατὰ φύσιν ζῆν («жить по природе»), τὰ δὲ φύσει (растительный уровень организации), не разрушая целостности «природной» основы стоического учения.

- Благо может быть описано только в терминах всеобщей природы. Становление отдельных вещей представлено как дифференциация материи, в результате которой вещи приобретают свойства, позволяющие им взаимодействовать друг с другом, восстанавливая таким образом единство на новом структурном уровне. Именно так происходит космогенез и именно поэтому для человека является благом соотносить свое поведение с событийной канвой.

- Снятие противоречий, усматриваемых в движениях элементов, достижимо в свете стоических категорий: так, приписываемое легким элементам естественное движение вверх или от центра может быть отнесено за счет присущего им качества (ποιότης), поскольку воздух и огонь, будучи предоставлены самим себе, склонны к бесконечному рассеиванию; однако, при наличии гравитационного ядра из тяжелых элементов легким элементам, как и всякой оформленной структуре (ἔξις) будет уже свойственно движение вниз; наконец, в сопоставлении с более тяжелыми элементами они будут устремляться вверх, чтобы занять свойственное им относительное расположение (σχεσις).

- Противонаправленные тенденции движения воздуха и огня в процессе космогенеза коррелируют со стоической концепцией тонического напряжения, возникающего в пневме, в которой воздух представляет центростремительную, а огонь – центробежную тенденцию, которая, впрочем, никогда не реализуется как поступательное движение.

- Сама по себе тенденция к движениям, присущая как неживым, так и живым телам в силу их собственной природы, имеет значение даже в случае ее нереализованности, поскольку обеспечивает поддержание причинно-следственных связей и, в конечном итоге, – целостность мироздания. Отсюда в стоической физике столь часты случаи совершения элементами противоестественных для себя движений, а в этике делается акцент на приложенные к достижению цели усилия, но не на достижение объекта действия.

- Человеческие поступки должны рассматриваться по аналогии с движением элементов. На уровне частной природы для человека установлены определенные «естественные вещи» (τὰ κατὰ φύσιν), к которым он должен стремиться, однако в плане «надлежащего» действия (καθῆκον) вектор его устремлений может измениться под влиянием внешних факторов. Учет взаимоотношений между внешними объектами, никак не зависящих от человека (как это предусмотрено категорией σχέσις) оказывается для него в плане действия важнее, чем относительная ценность определенных «естественных вещей» для его собственной структуры.

- В этой связи «надлежащее по обстоятельствам» (καθῆκον περιστατικόν) должно рассматриваться не как маргинальное, а как системное понятие стоической этики. Вопреки мнению некоторых современных исследователей, практический императив «надлежащего по обстоятельствам» имеет универсальную применимость и действителен как для мудреца, так и для профана.

- Материальное содержание действий мудреца и стремящегося к добродетели человека совпадает. Различает их лишь качество мотивации, поскольку действия мудреца проистекают из твердого знания (с логической точки зрения) и из устойчивого расположения его души (при рассмотрении в физических

терминах). Соответственно, всякие предположения об экстравагантности поведения мудреца и о непостижимости мотивов его поступков для других лишены оснований.

- Степень кинического влияния на стоическое учение переоценена. Интенции стоика и киника противоположны: последний стремится ниспровергнуть социальные институты и традиционные ценности, избирая образ жизни вопреки им, в то время как первый будет всячески поддерживать их и принимать самое активное участие в организованной социальной деятельности – до тех пор, во всяком случае, пока эта деятельность не придет в столкновение с моральным законом.

- Основания для смешения стоицизма и кинизма недостаточны и имеют под собой два вида источников: во-первых, примеры крайних ситуаций «надлежащего по обстоятельствам» (отцеубийство, кровосмешение, людоедство и т. д.), а во-вторых, написанное Зеноном еще в бытность им учеником у киника Кратета сочинение «Государство», антисоциальная направленность которого оказалась определена не только киническим влиянием, но и законами жанра.

II. Структура и содержание исследования

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка сокращений и списка литературы.

Во **Введении** поставлена основная проблема исследования, связанная с отсутствием систематического применения принципа когерентности разделов стоического учения к частным вопросам, обоснована актуальность и охарактеризована степень разработанности темы диссертации, сформулированы цели и задачи работы, определена методологическая база, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, перечислены положения, выносимые на защиту.

Структура работы организована вокруг выделенных сквозных законов, с тем чтобы их действие могло быть продемонстрировано в различных разделах стоического учения. Поскольку в исследовании не ставится задача изложения

стоического учения во всей его дошедшей нас полноте, расположение материала по разделам стоической философии не представляется целесообразным. Большая часть случаев действия сквозных законов и их следствий приходится на физику и этику, хотя и логическому материалу также уделено определенное внимание. Из логического раздела рассмотрены, во-первых, бестелесные процессы артикуляции мысли, сопровождающие действия субъекта и позволяющие ему как подвергать рефлексии собственное поведение, так и осмыслять окружающую действительность, и во-вторых, комплексная причинность в свете категориального анализа и ее артикулированного описания в виде силлогизмов. Ведь в учении о причинности физический и логический разделы смыкаются, так как причинность, понимаемая стоиками прежде всего как проявление телесного взаимодействия, сопровождается и соответствующим пропозициональным выражением – так же как Логос сопутствует Природе и неотделим от нее.

Первая глава, «Принцип уподобления частей целому. Антагонизм части и целого», посвящена стоической концепции мироустройства с акцентом на проблему единства мира и антагонизма его частей. Параграфы первой главы последовательно описывают особенности стоического мироустройства, строение отдельных тел, взаимодействие и антагонизм между ними, а в заключение – механизмы преодоления этого антагонизма на высшем уровне, а именно на разумном.

В первом параграфе первой главы, **«Макрокосм и микрокосм: пневма как причина существования мира в целом и отдельных тел с их свойствами»**, дается объяснение структурному единству мира, которое обеспечивается единым принципом организации как макро-, так и микрокосма, поскольку в обоих случаях конституирующей силой выступает пневма – особая волновая структура или силовое поле, определяющее как свойства тела, так и само его существование. В параграфе описаны свойства структур различного уровня сложности – от неживой природы до разумного человека.

Во втором параграфе первой главы, **«Онтологическое и терминологическое многообразие понятия “природа”»**, подвергается анализу

роль многопланового понятия природы, которая служит в стоическом учении источником не только онтологии, но и аксиологии. Понятие «природы» применяется как к единой мировой животворящей силе, так и к манифестациям этой силы, заложенной в каждый отдельный организм в виде программы его развития. В параграфе исследуется использование понятия «природа» в различных технических терминах стоической философии, принадлежащих как физическому, так и этическому разделу, и в каждом случае выявляется какой-либо один преобладающий аспект – без того, впрочем, чтобы комплексное понятие «природы» утратило свою однородность.

Третий параграф первой главы, **«Мир как система. Градация уровня сложности организации тел»**, концентрируется на взаимодействии между частными «структурами» с учетом различного уровня их возможностей и способностей реагировать на окружающую среду. На уровне частей мира просматривается определенный антагонизм, однако предусмотренные линии взаимодействия между различными телами позволяют миру существовать как единое целое.

Четвертый, заключительный параграф первой главы, **«Вынесение проблемы антагонизма за пределы этической сферы»**, показывает, как стоическая философия снимает антагонизм частей мира на высшем уровне, а именно на разумном. На этом уровне линии взаимодействия между частями лишены механистической жесткости, так как человеку приходится пользоваться разумом, чтобы вновь обрести предусмотренное для него место в мире, восстанавливая тем самым целостность мироздания, которая признана благом, поскольку мир существует ради себя самого, а не ради чего-то другого. Таким образом, человек, благодаря своему разуму может оказаться сопричастным богу в его творческой деятельности, воспринимая мир не с позиции части, а с позиции целого. Есть и еще один существенный момент, обеспечивающий снятие антагонизма в сообществе людей: им обеспечивается независимость от внешних вещей за счет объявления последних безразличными. Это может быть представлено как преодоление препятствий для развития и как предоставление максимально возможной степени

свободы выбора и принятия решений относительно своего собственного внутреннего состояния и формирования реакции на окружающую действительность.

Вторая глава, «Параллелизм онтологии и гносеологии: нарастание определенности в стоическом мире и сознании», продолжает начатое в предыдущей главе исследование проблемы единства стоического мира, которое проводится как в плоскости корреляции природы и разума, телесного и бестелесного, физического и логического, так и по линии нарастания определенности, которая прослеживается в развитии процессов, описываемых в физических и этических терминах. Соответственно, во второй главе рассматривается применимость к различным частям стоического учения принципов когерентности онтологии и гносеологии и нарастания определенности.

В первом параграфе второй главы, **«Неразрывность природы и разума, бытия и сознания, поступка и его осмысления»**, устанавливается параллельность логического и физического процессов на самом высоком онтологическом уровне, где взаимодействуют два начала – активный логос и пассивная материя. На уровне микрокосма также выявлена сфера, где это взаимодействие проявляет себя в полной мере, а именно психология действия, в которой установлены параллельные терминологические ряды, отражающие неразрывность логических и физических процессов. Так, на физическом уровне действие начинается с *ощущения*, затем следуют *впечатление*, его *усвоение*, и далее *действие*. На логическом уровне всякое впечатление сопровождается пропозициональной единицей в виде *суждения*, на которое дается *согласие*, и только потом следует *импульс* к действию, направленный, однако не на само это действие, но на сопутствующий ему *предикат*.

Второй параграф второй главы, **«Стоические “категории” как уподобление процесса постижения мира логике его формирования и развития»**, содержит анализ методологии осмысления действительности на основе системы категорий, объективно отражающей онтологическое устройство мира. В результате устанавливается не только параллелизм онтологического и гносеологического

процессов, но и их однонаправленность. Как в физическом мире, так и в плане осмысления физических (и не только) явлений, процесс идет по линии нарастания определенности. Стоическая физика описывает выделение на бескачественном субстрате (ὕποκειμενον) первичных качеств (ποιόν) и формирование из него элементов, затем образование на основе этих качеств отдельных структур (ἔξις) и, наконец, их вступление во взаимодействие друг с другом (σχέσις) сообразно с внутренними свойствами, обусловленными самими этими структурами. Первая категория является наиболее неопределенной, последняя – предельно конкретной.

Третий параграф второй главы, **«Категориальный анализ как вскрытие свойств тел в их взаимодействии»**, устанавливает соответствие между качествами, устойчивыми состояниями и отношениями (как это предусмотрено системой категорий) с процессом физического взаимодействия тел и организмов. Констатируется, что отношения между субъектами складываются на уровне σχέσις, причем содержание этих отношений лишь отчасти определяется на уровне «структуры» (ἔξις). Уровень ἔξις устанавливает отношения с другими вещами в виде тенденций или потребностей каждой изолированно взятой «структуры» (в стоической терминологии σχέσις ποιού, о которой специально указывается, что она приравнивается к ἔξις), однако реализация этих отношений рассматривается уже в категории σχέσις.

Четвертый параграф второй главы, **«От “естественного” к “надлежащему” как от абстрактного к конкретному в свете категорий»**, развивает рассмотрение применимости системы категорий к поведенческим моделям разумного существа. Концепция нарастания определенности, выраженная в четырех стоических категориях, оказалась плодотворной для выделения различных уровней основания человеческих поступков, как в плане материального содержания действия, так и по части мотивации. Сами по себе категории представляют собой универсальные и разноплановые понятия, поскольку не только применяются для описания физической реальности, корреспондируя с определенными состояниями материи и отражая субстанциальный потенциал каждой вещи, определяющий ее вплетение в событийную канву потока явлений, но и служат для моделирования этических

ситуаций. В параграфе устанавливается соотношение между «естественным» уровнем потребностей человека и категорией ἕξις с одной стороны и между уровнем «надлежащего» и категорией σῆσις – с другой. Особенности употребления этих категорий, выявленные на физическом материале, помогают прояснить соотношение двух уровней, определяющих содержание человеческих поступков. Дело в том, что категория ἕξις описывает вещи условно-изолированно, в отрыве от каких бы то ни было сторонних для них обстоятельств. «Естественные» для человека вещи (τὰ κατὰ φύσιν) как раз и устанавливаются на этом уровне, а «надлежащее», определяемое уже на уровне σῆσις, принимает в расчет не только потребности субъекта, обозначенные на обособленно-изолированном уровне, но и конфигурацию чисто внешних факторов. Это объясняет, почему «надлежащее», хоть и исходит из «естественного», может преломлять эти отношения, приводя к выбору человеком противоестественного для него объекта под влиянием внешних обстоятельств.

Пятый параграф второй главы, **«Ойкеюсис: параллельный процесс восхождения от физики и логики к этике»**, проясняет всю сложность развития человека со стоической точки зрения. Данный человеку разум подвергает рефлексии врожденные ему как разумному существу модели поведения, а также анализирует устройство физического мира и место человека в нем. Наряду с этим разум расширяет сферу «естественных» вещей, вовлекая в нее все новые и новые объекты – вплоть до того момента, когда его интересы охватят все сообщество «людей и богов», что тождественно жизни согласно всеобщей природе и вполне укладывается в рамки предельной, четвертой категории – σῆσις.

Шестой, заключительный параграф второй главы, **«“Единение разобщенного” за счет раскрытия внутренних свойств»**, демонстрирует восстановление единства мира на более высоком структурном уровне. В категориях это выражено как возвращение к единству за счет связей, в которые вступают вещи в силу своей внутренней структуры. Ряд категорий, таким образом, представляет собой нисхождение от наиболее общей и недифференцированной категории ὑλοεἰμένον к предельно конкретной категории σῆσις, представляющей

объекты во всей сумме их пространственно-вещественных отношений. На практике это означает, что материя сперва подвергается дифференциации под воздействием активного разума, в результате чего образуются вещи, которые могут рассматриваться по отдельности, однако на следующей стадии эти вещи вступают во взаимодействие друг с другом на основе заложенных в них внутренних свойств, вновь образуя единое целое. В человеке линии такого взаимодействия также предустановлены, однако ему для расширения круга «естественных» для него вещей и для подобающей ему интеграции в мировые события требуются сознательные усилия. «Единение разобщенных» (ἑνωσις διεστηκότων) представляет собой определение блага в физических терминах, обозначая бесконечный поток становлений и взаимодействий различных манифестаций мирового логоса. Вписаться в этот поток необходимо и человеку, что представляет собой благо для него уже на этическом уровне. И если физические тела и животные встраиваются в этот поток постольку, поскольку predeterminedены их внутренние свойства, то человеку для раскрытия своих внутренних свойств требуется приложение сознательных усилий.

Третья глава, «Системная неполнота соблюдаемости нормы, мыслимой как предпосылка для существования целого», объясняет несовершенство мира в отдельных его частях, ситуации отклонения от предусмотренной для каждой части мира нормы и возможность случайности в виде непредсказуемого исхода событий в условиях сплошного детерминизма. В третьей главе рассматривается применимость к различным частям стоического учения принципа возможной нереализуемости нормы и закона дополнительного эффекта на стыке различных причинных рядов.

Первый параграф третьей главы, **«Естественные движения элементов: их фундаментальное значение для космологии в сочетании с возможностью их нереализуемости»,** целиком посвящен движениям элементов. В физике естественные движения элементов никогда не реализуются полностью и до конца, поскольку для обеспечения единства мира они требуются лишь в виде тенденции, но не в плане обязательной реализации. В отличие от аристотелевского

физического мира, где системообразующими оказывались только естественные движения элементов, стоический мир складывается как комплекс естественных и противоположных им движений, возникающих как следствие взаимодействий физических тел, причем эти взаимодействия рассматриваются не как насильственные, а как системообразующие. Особенности движений физических тел имеют очень важную проекцию на этику, поскольку модель поведения разумного существа выстраивается по образцу движений физических тел. Тем не менее, глава, посвященная физическим элементам, имеет и самостоятельное значение, поскольку впервые не только в отечественной, но и в зарубежной науке дает целостную и непротиворечивую картину физического мира в представлении стоиков.

Второй параграф третьей главы **«“Надлежащее по обстоятельствам” как системный фактор недостижимости нормы»** распространяет выводы предыдущего параграфа на этику. Поскольку стремление человека к естественным для него вещам не может быть удовлетворено в полном объеме, на системном уровне для него вполне может оказаться естественным действие, направленное на противоположный естественному объект. Таким образом, уровень «естественных» для человека вещей коррелирует с первичными естественными движениями элементов (с их центростремительной тенденцией), а уровень «надлежащего» – с движениями элементов, совершаемыми ими «по необходимости, но ненасильственным образом» (κατ’ ἀνάγκην, οὐ τὴν ἐκ βίας) под воздействием других элементов, то есть в рамках системы. Диссертант приходит к выводу, что «надлежащее по обстоятельствам» описывает, вопреки мнению большинства исследователей, вполне системную ситуацию стоической этики, причем оно вовсе не является обязательной прерогативой мудреца, поскольку любой человек способен на разумные действия, адекватные сложившейся ситуации. Именно на этом уровне действия человека вписываются в эвентологическую сетку и он начинает вести и ощущать себя частью целого, что в дальнейшем служит для него обязательной предпосылкой для достижения поставленной перед ним высшей цели – счастья и добродетели как предела развития.

Третий параграф третьей главы, **«Реабилитация стоического мудреца: высокий уровень социализации и гражданской ответственности»**, развивает положения предыдущей главы и посвящен исключительно материальному содержанию действия стоического мудреца, особенностям его мотивации и его отличию от большинства людей. На этическом уровне его отличие состоит в том, что он неизменно исходит из интересов мироздания в целом, которое выступает для него главной аксиологической точкой отсчета. На физическом уровне его отличает устойчивость его «структуры», достигшей предела своего развития (*δίαθεσις*), что крайне важно с точки зрения неизменности его реакций на внешние объекты. На логическом уровне мудрец выделяется твердостью и неизменностью своего знания, определяющего мотивацию его поступков. Таким образом, определения мудреца могут быть даны и даются в терминах всех трех разделов учения. Что же касается определений мудреца на основе содержания его поступков, таковые отсутствуют, поскольку материальная часть его действий ничем не отличается от поведения обычного человека, выполняющего «надлежащее». В заключение третьего параграфа утверждается несвойственность стоическому мудрецу кинических мотивов поведения, поскольку стоическое учение стремится максимально интегрировать человека в социум и в мир, избегая дискредитации общественных институтов в качестве самоцели, в то время как киническая философия усматривает именно в этом путь к освобождению человека от его зависимости от внешнего мира.

Четвертый параграф третьей главы, **«Жесткий детерминизм и “окно возможностей”»: комплексная причинность на стыке причинных рядов как предпосылка для развития и для проявления частной воли»**, рассматривает взаимодействие тел и организмов между собой в свете учения о причинности. Особое внимание уделяется комплексной причинности, поскольку на стыке взаимодействия различных причинно-следственных рядов, во-первых, возникает синергетический эффект, ведущий к усложнению системы, а во-вторых, открываются «окна возможностей», создающие условия для непредсказуемости исхода событий в силу большого количества действующих причин (основных,

содействующих и предшествующих). Разумное существо в состоянии повлиять на изменение ведущего начала своей души, в котором заключена основная причина действия. Благодаря этому человек способен отчасти регулировать свой выбор в отношении естественных для себя объектов и полностью изменить свое отношение к обладанию ими. В этом аспекте человек свободен от внешних вещей, но вся эта свобода требуется только для того, чтобы добровольно принести ее в жертву разумному миру как бесконечному потоку событий, где даже мудрецу отводится совершенно определенная роль, составленная для него на основе «надлежащих» действий, которые он должен совершать в определенным образом складывающихся обстоятельствах. Нельзя не отметить интеллектуальную элегантность, с которой стоицизм вписывает действия человека в окружающую действительность: благодаря концепции «безразличных» вещей, имеющих тем не менее относительную ценность, поступки как большинства людей, так и мудреца обеспечивают поддержание одних и тех же причинно-следственных цепочек на уровне материального содержания действия, разнясь лишь в отношении источника своей мотивации. Человеку в большей степени чем другим организмам требуется приложение определенных усилий, чтобы распознать уготованные ему пути развития и посредством рефлексии и объективации сознания возвыситься над своими частными устремлениями. Таким образом для него реализуется «единение разобщенных», которое только и является благом в космическом плане. Процесс «единения разобщенных» описывается и посредством категорий: от наиболее общей категории $\tau\iota$, передающей отсутствие какой бы то ни было дифференциации, до категории $\sigma\upsilon\chi\acute{\epsilon}\sigma\iota\varsigma$, вновь объединяющей подвергнувшуюся дифференциации материю в единую систему и восстанавливающей единство уже на более высоком структурном уровне.

В **Заключении** суммируются выводы, полученные ранее по результатам исследований, содержащихся в трех главах. В Заключении подтверждается применимость гипотетически выведенных сквозных законов к таким узловым моментам стоического учения как концепция природы и ее роль в этическом разделе, системное устройство мира с подсистемами различного уровня сложности,

соотношение детерминизма и свободы, параллелизм физических и логических процессов, выведение положений этики из моделей физического взаимодействия, система категорий и категориальный анализ движения тел от элементов до разумных существ, «надлежащее по обстоятельствам» и социализация стоического мудреца. Применимость этих сквозных законов к различным частям стоического учения не только подтвердила их собственную состоятельность, но и способствовала внесению ясности в спорные вопросы, усматривавшиеся в этих частях.

Принцип уподобления части целому способствовал выявлению подчиненности движений, тенденций развития и устремлений отдельных частей мира интересам целого. Соотношение всеобщей природы и частной природы вещей показало, что заложенные в последнюю свойства с одной стороны поддерживают существование вещей, а с другой – определяют линии их взаимодействия с другими вещами. Именно непрерывная череда таких взаимодействий имеет самостоятельную ценность, что дает важную проекцию на этику: для стоиков в этическом контексте в большей степени важны именно усилия, приложенные к достижению объекта действия, чем сам объект и обладание им. Главное в том, чтобы вещи, находящиеся в определенном относительном расположении друг к другу (συέσις), вступили во взаимодействие. Воздействие одного объекта на другой описывается в том числе в свете учения о причинности, так что каждый из них служит источником и проводником цепной реакции причинно-следственных взаимодействий. Возможность для одних тел обуславливать движения других или создавать препятствия для их движений, развития или существования привела стоиков к формированию концепции препятствий и градации уровня сложности движений, позволяющих преодолевать эти препятствия. Чем выше уровень развития, тем большее число препятствий способен преодолевать организм, а человеку на пределе его развития вообще ничто не препятствует, равным образом как и всеобщей природе. У всеобщей природы нет приоритета по сохранению каких-то отдельных вещей; гораздо важнее поддержание взаимодействия между ними, поскольку именно оно обеспечивает

сохранность целого. В этой связи не должно вызывать удивление то, что понятие «природы», использованное в техническом термине τὰ κατὰ φύσιν, не имеет прямого отношения к цели человеческой жизни, поскольку данный термин очевидным образом указывает на потребности частной природы человека, в то время как цель поставлена перед ним на уровне всеобщей. Дифференцированная фокусировка на различных аспектах употребления многозначного понятия природы в технических терминах способствует прояснению роли «естественных» вещей в жизни человека и в достижении им добродетели как поставленной перед ним жизненной цели. На противопоставлении всеобщего и частного построено понимание блага, которое связано с поддержанием целостности мира, пусть даже в ущерб какой-то его отдельной части. Человек же, как разумное существо, способен возвыситься над своими частными потребностями и усмотреть свое высшее благо в приобщении к благу космическому.

Когерентность физических явлений и их осмысления обеспечивает тесную связь между стоической онтологией и гносеологией. Данный закон не только напрямую проявляется в описании становления мира при помощи системы категорий, но и прослеживается в параллельных терминологических рядах, описывающих механизм психологии действия, в котором каждому физическому явлению сопутствует артикулируемая смысловая единица (λεκτόν). На тесной взаимосвязи физических и логических процессов основывается также процедура *освоения* всякого существа в окружающем мире, которая не может быть сведена только лишь к последовательности чисто логических операций (тем более, что в случае с животными это и невозможно), но требует также, выражаясь современным языком, оснований психо-соматического порядка. В стоической же терминологии это описывается как «первичные естественные вещи» (τὰ πρῶτα κατὰ φύσιν) и «особенности собственного устройства» (οἰκεῖαι κατασκευαί).

Закон нарастания определенности в стоическом мире и сознании указывает не только на параллелизм, но и на однонаправленность физических и логических процессов, развивающихся от неопределенного к определенному, от абстрактного, изолированного и условно-существующего к конкретному и

наличному бытию, взятому во всей полноте своей предметности. Стоическая физика описывает процесс дифференциации бескачественной пассивной материи под воздействием разума, выделяющего на ее субстрате сперва первичные качества элементов, а затем создающего на этой основе все вещи. Каждая такая вещь имеет в основе своего существования «тонкое тело» (σῶμα λεπτομερές) или, по-другому, пневму, которая с одной стороны служит причиной сохранения этой вещи как таковой («поддерживающей причиной»), а с другой – определяет линии ее взаимодействия с окружающими вещами. Именно по такой схеме описывает мироустройство и стоическая система категорий, применение которой в качестве универсальной методологической схемы к учению о познании и к этике не вызывает сомнений. Первая и наиболее неопределенная категория «субстрат» (ὕλοκεῖμενον) указывает на предельно недифференцированное существование, на второй стадии выделяется качество (ποιότης), далее формируется структура вещи (ἔξις), которая и определяет ее взаимодействие с другими вещами (σχέσις). Каждая из последующих категорий раскрывает свойства и состояния вещи по линии нарастающей определенности, от условно-абстрактного и изолированного к налично-конкретному, описывая реальность в ее предметном бытии. Картина физического мира и применяемая для его описания система категорий демонстрируют сходную тенденцию еще в одном аспекте: как единичные вещи, возникшие в результате дифференциации материи (κατὰ διαφοράν), возвращаются к единству (ἕνωσις διαστηκότων), взаимодействуя друг с другом, так и в сетке категорий на уровне σχέσις постулируется единство мира посредством взаимосвязи его частей. Таким образом, единство мира задано и в физическом, и в гносеологическом аспекте и как начальная точка с наименьшим уровнем дифференциации, и как предельная точка развития на максимально высоком структурном уровне. Категории качества, структуры и относительного расположения применимы к материалу всех трех разделов стоической философии, поскольку в этике используется та же методологическая схема: сперва устанавливается нечто «естественное» для субъекта, взятого условно-обособленно, а на следующем этапе субъект, уже будучи вписанным в конкретную ситуативную

реальность жизненных обстоятельств, совершает «надлежащее» действие (καθηκον), руководствуясь не только и не столько ценностью «естественных» вещей, но взаимным расположением объектов, определяющих условия выбора. Само употребление терминов ποιότης, ἕξις и σχέσις делает их частью не только физической, но и этической терминологии.

Возможность нереализуемости нормы объясняет не только несовершенство мира в отдельных его частях, но и механизм взаимодействия отдельных тел в рамках единой системы, части которой взаимосвязаны между собой и действуют в интересах целого. Норма предустановлена для каждого в отдельности тела и организма в виде суммы свойственных ему движений и состояний. В строгом смысле норма соотносится со «структурой» тела, и это именно то его состояние и реакции, которые определяются его «структурой». Для элементов и физических тел нормой считается стремление к центру мира, для живых существ и для человека – стремление к «естественным» для них объектам, причем не только стремление, но и обладание ими, поскольку это требуется для поддержания самой «структуры» (для живых существ в виде души) на обособленном уровне. Однако «структура» предопределяет и внешние взаимодействия вещей, так что на системном уровне (в терминологии категорий уже на уровне «относительного расположения») проявляется действие дополнительных факторов, которые, не отменяя предусмотренную для частной «структуры» норму как таковую, заставляют тела двигаться вопреки свойственному им направлению движения, а субъекта вынуждают совершать поступки, не принимающие в расчет собственную норму как основной критерий. Так, легкие элементы, несмотря на свое стремление к центру мира, не могут достичь его, поскольку вынуждены двигаться вверх под воздействием тяжелых элементов, а человек часто принуждается под давлением обстоятельства выбирать то, что противно его собственной природе (ситуация «надлежащего по обстоятельствам»). Состояние нормы предусмотрено на уровне частных «природ», однако оно предустановлено таким образом, чтобы обеспечить взаимодействие между этими «природами». Вот почему человеку не приличествует принимать

норму, понимаемую как достижение «естественных вещей», за благо для себя. Лишь осознание человеком собственной нормы как механизма своей интеграции в мир приближает его к истинному благу. При этом он в процессе развития и **освоения** (οἰκεῖωσις) в мире расширяет пределы своей нормы, распространяя свой интерес на всё большее количество объектов. Стоический мир не имеет перед собой никаких других целей, кроме самореализации, поэтому все совершается в интересах целого и ни одной частной природе не дается гарантии, что она может достичь своей нормы. Даже человек, обладающий максимальной свободой в изменчивости своей «структуры», не может быть уверен, что достигнет добродетели, потому что в любой момент недостаток «естественных» вещей может положить конец любым его устремлениям – неслучайно подчеркивается, что даже достигнутое состояние добродетели не представляет само по себе основание для продолжения жизни. Системная неполнота реализации нормы позволяет по-новому взглянуть на ситуацию «надлежащего по обстоятельствам» и на стоического мудреца. Универсальное действие этого закона вовсе не предполагает какой-то эксклюзивной прерогативы для мудреца на совершение «надлежащего по обстоятельствам»; напротив, данный закон убеждает нас в том, что все люди в рамках взаимодействия с социумом и окружающим миром периодически оказываются в ситуации «надлежащего по обстоятельствам». Таким образом, содержательная часть поступков мудреца никоим образом не отличается от таковых у обычного человека, совершающего «надлежащие» действия в рамках своей частной нормы. Здесь стоит отметить, что предусмотренная для человека норма наиболее изменчива и модифицируема по сравнению с нормой, установленной для других существ. От первичных естественных вещей он переходит к душевным благам, имеющим преимущество перед телесными, а любовь к себе и ближайшим родственникам распространяет на все человечество и действует на основании этих новых критериев. Очевидно, что без переориентации на всеобщую природу расширение сферы «естественных» вещей для субъекта будет затруднено, о чем, собственно, и говорит Хрисипп, рекомендуя для достижения добродетели следовать и человеческой, и всеобщей природе. Таким

образом, норма, взятая на пределе развития, предполагает вовлечение в мотивационный механизм человека все более широкого спектра объектов, что, собственно, вполне вписывается как в концепцию «единения разобщенных», так и в систему стоических категорий. Именно поэтому и стремящийся к добродетели человек, и мудрец будут избегать кинической модели поведения, которая как таковая направлена на дискредитацию общественных отношений; стоицизм же стремится интегрировать человека в «град людей и богов», предписывая ему совершение экстравагантных поступков, только если того требуют чрезвычайные обстоятельства. Поступки человека, таким образом, вписаны в поток окружающей его предметности и предопределены ею; вне зависимости от того, считает ли субъект «естественные» для себя вещи благом или выполняет «надлежащие» действия на основе относительной ценности «естественного» и исходя из интересов целого мира, он все равно будет в содержательном плане совершать одни и те же поступки. Разница между ними будет заключаться в том, что первый будет воспринимать каждую свою неудачу в достижении «естественного» как несчастье и, очевидно, утратит всякий стимул к расширению сферы «естественного», что должно было бы вывести его на путь добродетели. Таким образом, за человеком всегда остается выбор того, каким ему быть. Что же обеспечивает ему такую свободу в массиве сплошного детерминизма?

Дополнительный эффект, возникающий на стыке причинных рядов, способен вызывать усложнение системы за счет синергетического эффекта, в том числе непредсказуемый исход в силу невозможности учета всех действующих факторов (αἴτιον ἄδηλον). Жесткая физическая, а точнее телесная причинность находит логическое выражение в столь же строгой импликации, но эта безальтернативность бесспорна только в ситуации, изолированной от стороннего воздействия других возможных причин. Камень неизбежно падает на землю, но возможны условия, когда он, ничем не поддерживаемый снизу, будет пребывать над землей как часть сложенной из подобных ему камней арки. Синергетический эффект на стыке различных причинных рядов, один из которых связан со свойствами камня, а другой – с их относительным расположением, позволяет

добиться существенного усложнения системы, заставляя камень делать то, что несвойственно ему самому по себе. Во всех таких случаях стоики подчеркивали, что главная причина состоит во внутренних свойствах тела, как в данном случае тяжесть, твердость и шероховатость. Это имеет прямую проекцию на этику, считающей основной причиной действия субъекта его душу, за состояние которой отвечает он сам. В данном случае мы имеем дело с очень сложной причинностью, поскольку в каждое действие вовлечены внешние (сопутствующие) причины, основная причина в виде текущего состояния ведущего начала души и предшествующая причина в виде тех усилий, что были приложены субъектом к совершенствованию структуры своего ведущего начала. В этой последней области человеку предоставлена полная свобода; если практический выбор внешних объектов для него ограничен и почти всегда предопределен его внутренними потребностями и внешними обстоятельствами, то формирование самого себя находится в его власти (ἔξεις ἐφ' ἡμῖν). Так стоикам удалось, не допуская в мире спонтанности процессов, совместить в человеке непреложность долга со свободой выбора.

III. Апробация результатов диссертационной работы

Степень достоверности и апробация результатов определяются тем фактом, что диссертант в течение ряда лет выпускает исследования по теме диссертации, опубликованные в изданиях из списка ВАК:

- *Гришин, А.Ю.* «Естественное» и «надлежащее» : физическое и логическое обоснование некоторых аспектов раннестойической этики [Текст] / А.Ю. Гришин // Вестник древней истории. – 2000. – № 4 (235). – С. 21—40.
- *Гришин, А.Ю.* Предвосхищение концепции гравитации в учении Ранней Стои [Текст] / А. Ю. Гришин // Вестник древней истории. – 2015. – № 3 (294). – С. 123—142.
- *Гришин, А.Ю.* Прообразы научных моделей Нового и Новейшего времени в учении Стои [Текст] / А.Ю. Гришин // Пространство и время. – 2015. – № 1 – 2 (19-20). – С. 107—113.

Материалы из данных статей легли в основу доклада, сделанного автором на Третьей международной конференции по эллинистике, состоявшейся в МГУ им. М.В. Ломоносова 25-27 апреля 2017 года.